

Ну и день выдался, а?

Я перевел взгляд на Лилу, слушая, как она о чем-то рассуждает. О какой-то выставке, о теории поведения зараженных, может, что-то про солнечные батареи. Честно говоря, мысли мои были далеко.

И все же я наслаждался моментом. Больше, чем хотел бы признать.

Я даже не помню, как мы оказались на крыше – сидели, свесив ноги с края, и смотрели на заходящее солнце. Я скучал по таким дням и понимал, что другого такого шанса может не представиться еще долго.

– Ты чего на меня так смотришь? – спросила Лила с улыбкой – той самой мягкой, чуть лукавой, от которой в уголках ее глаз собирались морщинки. Я тут же очнулся.

– А... да ни на что.

Нет, кое на что я все-таки смотрел. Что-то, что я долго не мог осознать. Вокруг нас было столько смертей.

Отчаяние должно было сжирать нас заживо. Черт, оно и сжирало меня.

А она была счастлива.

– Просто... мне до сих пор трудно тебя понять, вот и всё.

Она перестала болтать ногами. Изогнула бровь.

– В смысле?

– В смысле – в одну минуту ты вся такая милая и нежная, а в следующую готова перегрызть кому-нибудь глотку...

Под взглядом Лилы слова застряли у меня в горле. Черт, надеюсь, я не испортил момент.

– Я хочу сказать... как ты можешь быть такой, когда все вокруг умирают? Обри, твои родители, твои друзья, мои друзья... они ведь...

Лила тепло улыбнулась мне. Я замолчал. Ее взгляд медленно переместился на закат; она продолжала говорить, уже не глядя на меня.

– По правде говоря... когда я с тобой, мне кажется, что я способна на всё. Что выживу в любой ситуации. Ты для меня словно источник света, который дает силы идти дальше.

От ее слов мои щеки медленно залил густой румянец. Она снова посмотрела на меня.

– Может, в этом и есть твоя суперсила, Эдриан.

Я позволил ее словам раствориться в остывающем воздухе.

«Ты мой источник света».

Я.

Парень, который с трудом унимает дрожь в руках.

Я использовал ее, чтобы выжить – цеплялся за нее, опирался на нее, прятался за ее силой. Я все еще дышал только благодаря ей, и при этом...

она говорит такое.

В груди потяжелело. Прежде чем я успел сообразить, как, черт возьми, на такое отвечать...

Лиля вдруг одним слитным движением поднялась на ноги.

– Идем. Пора.

Ее голос разрезал момент – тепло заката как-то сразу сменилось холодом.

Я поднялся следом, отряхивая джинсы от пыли. Дверь на крышу была приоткрыта; музей внизу гудел искусственной тишиной. Наши шаги гулко отдавались в такт, пока мы шли внутрь.

– И куда мы теперь?

Мой голос звучал чуждо. Честно говоря, я до смерти боялся того, что она ответит.

Лиля не оборачивалась.

– Мы уезжаем из Чикаго.

Я замер на месте.

Глаза расширились, дыхание перехватило.

Уехать из Чикаго?

Оставить всё это?

Безумные зараженные, трупы, хаос – всё это казалось вшитым под кожу города. Слова об отъезде звучали почти как... надежда.

Она наконец оглянулась на меня через□.

– Ты ведь хотел в Нью-Джерси, верно?

Тон ее был мягким.

Слишком мягким.

Словно она все это время держала этот козырь в рукаве, выжидая идеальный момент, чтобы выложить его передо мной, как подарок.

Она все это планировала? Черт, какой же я придурок.

Я открыл рот, но не смог выдавить ни звука.

Ничего.

Только потрясенно выдохнул и медленно кивнул, боясь, что любое резкое движение разрушит

этот миг.

Лила слабо улыбнулась – почти с гордостью за себя.

– Дорога займет часов двенадцать.

Свет в коридоре снова мигнул – теплое золото, холодная тень, теплое золото – раскрашивая Лилу в меняющиеся цвета, будто мир никак не мог решить, надежда она или гибель.

Она взяла меня за руку, когда мы выходили наружу.

И на мгновение – всего на мгновение –

я поверил, что мы действительно сможем выбраться живыми.

Гелендваген зарычал, оживая, шины захрустели по битому стеклу, когда мы выехали с музейной парковки. Впервые за весь день – а может, и за всю неделю – я смотрел на Лилу и не чувствовал, как страх скребет мне ребра.

Я чувствовал... надежду.

Она заметила мой взгляд. Ну еще бы.

Не говоря ни слова, она переплела свои пальцы с моими, и ее теплая ладонь стала для меня чем-то вроде якоря. □□□□□□□□□□.□□□

Руины Хайд-Парка проносились мимо: сгоревшие дома, перевернутые машины, языки пламени, лижущие асфальт.

Мы почти выбрались.

Почти...

Двигатель чихнул, закашлялся...

И Гелендваген замер как вкопанный.

– Да вы издеваетесь, – пробормотал я, с силой откинув голову на спинку сиденья. – Дайте мне хоть передохнуть, черт возьми.

Лила выдавила нервную улыбку и снова повернула ключ.

Стартер щелкнул.

Раз.

Два.

Тишина.

В животе поселился холодный ком.

– Лила?.. – начал я.

Но в этот момент в машину что-то врезалось.

Металлический ТРЕСК – окно со стороны Лилы разлетелось вдребезги, осыпав ее колени осколками.

– Что за?..

Прежде чем она успела отпрянуть, в разбитое окно просунулась рука... со шприцем.

Игла вонзилась ей в шею.

Сердце у меня остановилось.

– ЛИЛА!

Ее глаза расширились.

А затем взгляд стал расфокусированным.

Она обмякла и завалилась набок, повиснув на ремне безопасности, а ее рука выскользнула из моей.

Нет.

Нет, нет, нет...

Я отшатнулся назад, дыхание застряло в горле, паника резала по нервам. Я даже не успел закричать.

Потому что следом взорвалось мое окно.

Осколки впились в лицо, обжигая, как раскаленный песок. В проеме возникла тень – безликая, в латексных перчатках, дыхание резкое и частое.

– Не надо!..

Я не успел закончить.

Игла вошла в шею, и внутрь ледяным потоком хлынула жидкость. Пропофол, наверное.

Конечности превратились в кашу.

Зрение расплылось цветными пятнами – красным, черным, золотым.

Сквозь эту пелену я видел неподвижное тело Лилы.

Видел руки, хватающие ее.

Хватающие меня.

Лила была без сознания.

Я отключался следом.

Когда всё окончательно поглотила тьма, в голове пульсировала одна-единственная мысль:

Вряд ли я после такого проснусь.

<http://erolate.org/book/2677/279457>